

ДЕТЕКТИВЫ НИКОЛАЯ СВЕЧИНА

Читайте все книги НИКОЛАЯ СВЕЧИНА об АЛЕКСЕЕ ЛЫКОВЕ:

1. Завещание Аввакума
2. Охота на царя
3. Роковые числа
4. Хроники сыска
5. Выстрел на Большой Морской
6. Пуля с Кавказа
7. Дело Варнавинского маньяка
8. Варшавские тайны
9. Мертвый остров
10. Убийство церемониймейстера
11. Московский апокалипсис
12. Туркестан
13. Удар в сердце
14. Темные всадники
15. Дознание в Риге
16. Касьянов год
17. Лучи смерти
18. Тифлис 1904
19. Банда Кольки-куна
20. По остывшим следам
21. Фартовый город
22. Узел
23. Случай в Семипалатинске
24. Одесский листок сообщает
25. Столица беглых
26. Восьмое делопроизводство
27. Кубанский огонь
28. Взаперти
29. Паутина
30. На краю
31. В отсутствие начальства
32. Как Лыков не стал генералом
33. Уральское эхо
34. Дела минувшие
35. Ледяной ветер Суоми
36. Мечь блюдо горячее
37. Адский прииск

НИКОЛАЙ СВЕЧИН

МЕСТЬ – БЛЮДО ГОРЯЧЕЕ

Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С24

Свечин, Николай.

С24 Мечь – блюдо горячее / Николай Свечин. – Москва : Эксмо, 2026. – 320 с.

ISBN 978-5-04-216311-1

В начале 1914 года в Департаменте полиции готовится смена руководства. Директор предлагает начальнику уголовного сыска Алексею Николаевичу Лыкову съездить с ревизией куда-нибудь в глубинку, чтобы пересидеть смену власти. Лыков выбирает Рязань. Его приятель генерал Таубе просит Алексея Николаевича передать денежный подарок своему бывшему денщику Василию Полудкину, осевшему в Рязани. Пятьдесят рублей для отставного денщика, пристроившегося сторожем на заводе, большие деньги.

Но подарок приносит беду – сторожа убивают и грабят. Формальная командировка обретает новый смысл. Лыков считает долгом покарать убийц бывшего денщика своего друга. Он выходит на след некоего Егора Князева по кличке Князь – человека, отличающегося амбициями и жестокостью. Однако задержать его в Рязани не удаётся...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Свечин Н., 2024

© Оформление. ООО

«Издательство «Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-216311-1

Автор благодарит Максима Васильченко (Москва),
Валентина Горбачева (Рязань) и Андрея Лобанова (Саратов)
за помощь в написании этой книги.

Глава 1

ПЕРЕМЕНЫ В СТОЛИЦЕ

12 января 1914 года директор Департамента полиции действительный статский советник Белецкий вызвал к себе Лыкова. Он был раздражен.

– Началось... Эх! – сказал Белецкий.

– Что именно началось? – спросил статский советник у действительного статского.

– Джунковский предложил мне перейти губернатором в Вологду!

Алексей Николаевич тут же осердился:

– Почему не исправником в Олёкминск?¹ Они там с Маклаковым белену, что ли, по утрам кушают?

Оба собеседника не любили своих сановных шефов. Маклаков был министром внутренних дел, при этом человеком легкомысленным и поверхностным – не такому тащить важнейшее на Руси министерство. Его товарищ², Свиты генерал-майор Владимир Федорович Джунковский, являлся отъявленным ин-

¹ *Олёкминск* – окружной город Якутской области.

² *Товарищ министра* – заместитель.

триганом. Начальник Отдельного корпуса жандармов никогда до этого не командовал даже ротой. Еще он курировал полицию и полагал себя выдающимся специалистом в этой области. Гонясь за благосклонностью общества, Джунковский упразднил секретную агентуру охранных отделений в войсках, в учебных заведениях, в Государственной думе. А сами отделения начал планомерно упразднять. Им же нечем занять себя! В империи тишь да гладь, а эти дармоеды пишут, что революция не за горами и надо готовиться к трудным временам. Дураки... Празднование трехсотлетия Дома Романовых со всей отчетливостью показало, что никаких революций не предвидится. Народ сплотился вокруг царя, власть на коне, промышленность на подъеме. Не жизнь — малина!

Раздражение Лыкова и Белецкого было понятным. Сенатор — должность третьего класса Табели о рангах (тайный советник). А губернатор — четвертого (действительный статский, чин, который Белецкий имел сейчас и давно пересидел). До него все предыдущие директора Департамента полиции сразу попадали в Сенат, на тот самый третий класс. Степан Петрович рано понял, что с Джунковским ему не ужиться, и просился в тихое место отдохнуть от такого руководства. И вроде бы Владимир Федорович ему это обещал. А теперь вдруг — губернатором в Вологду.

— Джун говорит, что Маклаков против моего продвижения, — вздохнул Белецкий. — Считает, что сенатором я быть недостоин.

— А сам Стрекулист министром быть достоин? — съязвил Лыков. — В зеркало на себя бы посмотрел...

В обществе были известны три брата Маклаковых. Старший, Василий, присяжный поверенный и депутат Государственной думы, имел кличку Юрист. Младший, Алексей, видный офтальмолог, прозывался Окулист. А средний, Николай, выбившийся в министры, был известен как Стрекулист¹. И не без оснований...

— Чего делать-то? — горестно вздохнул Белецкий. — В ногах ползал, а Джун только хмыкал в усы.

— Не соглашайся, — посоветовал сыщик. — Пусть Маклаков поговорит со Щегловитовым, у них близкие отношения. Стой до конца, покажи свою твердость.

Назначение в Сенат зависело от министра юстиции Щегловитова, давнего лыковского недруга по прозвищу Ванька Каин.

— Предлагаешь стоять на своем? — тем же унылым тоном спросил Степан Петрович. — А не будет ли хуже? Оба злопамятные.

— Кого сватают на твое место? — задал давно интересующий его вопрос Алексей Николаевич. Надо же знать будущее начальство...

— Брюн-де-Сент-Ипполита. Знаком с ним?

— Валентин Анатольевич? Прокурор Омской судебной палаты? Мы общались прежде неоднократно, в Петербурге и Москве. Вроде приличный человек, законник.

Лыков не договорил, но собеседник его понял. Белецкий хоть и окончил когда-то юридический факультет Киевского университета, но с законами обращался вольно.

¹ *Стрекулист* — устар. проныра, ловкач.

И теперь министерские заправилы решили посадить на его место крючоктвора.

— Началась полоса... — пробубнил пока еще директор. — Нет, надо проваливать с этой должности.

Под полосой он имел в виду готовящуюся волну кадровых перестановок. Шли разговоры, что государь вот-вот отправит в отставку Владимира Николаевича Коковцова. Три года назад тот сменил убитого Столыпина на должности председателя Совета министров и оставил за собой кресло министра финансов. Владимир Николаевич, опытный и умный, как мог, управлял взбаламученной страной. Но быстро навлек на себя гнев правых тем, что считался с Государственной думой и выстраивал с ней деловые отношения. А вскоре премьер поссорился с самой императрицей! Отказался выдать крупную субсидию какому-то ее любимцу из прокутившихся офицеров. Подобных выходов Аликс¹ не прощала. Теперь будущим премьером называли престарелого Горемыкина, а ведение финансами бюрократическая молва поручала Барку.

В самом Департаменте полиции вице-директор Лерхе, давний приятель Джуна, завел «внутреннее осведомление» и сообщал наверх что надо и что не надо. Зажатый со всех сторон, Белецкий устал бороться и мечтал лишь о спокойной должности без понижения.

— Ты вот что, Алексей Николаевич, — сказал он приятелю, — поезжай в командировку. Чай, много есть сыскных отделений, где следует провести ревизию. Прокатись, пересиди смену власти. Вернешься, когда все уже успокоится.

¹ Александра Федоровна (жена Николая II).

— А что, и прокачусь, — сразу согласился статский советник. Его положение в ведомстве было устойчивым. В уголовный сыск начальство не совалось, все внимание уделяя политическому. С Лерхе отношения были прекрасные, они уважали друг друга. Джунковский убедился, что Алексей Николаевич не ворует из секретных фондов, и успокоился. А министр дел с мелкой сошкой не имел — и слава богу.

Будущий начальник не пугал сыщика. Брюн-де-Сент-Ипполит аккуратен, немого занудлив, но человек он вполне порядочный. Не первый шеф и, надо полагать, не последний. Лыков много уже перевидал директоров и относился к их смене равнодушно. Не то чтобы считал себя незаменимым, но опыт и репутация служили ему серьезной защитой от верховых министерских ураганов... А смену руководства лучше действительно пересидеть где-нибудь в провинции, занимаясь рутинным делом. Приедешь обратно, а все уже улеглось и машина катит привычным ходом.

— Куда выписать командировку? — уточнил Белецкий. — Пока могу.

Статский советник задумался:

— Екатеринослав надо бы пощупать, а еще Рязань. Там год назад поменяли главного сыщика, боюсь — вдруг сменили шило на мыло.

— Куда, ну?..

— В Рязань! — решил Алексей Николаевич. — Не так далеко, за неделю управлюсь. Тебя когда пнут под зад коленом?

— Недели им хватит. И не спеши обратно, наслужишься еще под началом этого потомка корабелов.

Белецкий имел в виду род Брюнов, которые прибыли на службу в Россию по приглашению Павла Первого и стали строителями военных кораблей.

— Выписывай на две недели. Ревизовать буду не спеша.

Так Лыков получил неожиданную командировку в Рязань. Он не сильно горевал по поводу ухода Белецкого, хорошо зная ему цену. Достаточно двуличный, беспринципный, Степан Петрович не представлял из себя крупную государственную фигуру. Но огромное трудолюбие и хорошее знание полицейского дела! Что ни говори, он был специалист. Как мог, Белецкий противился разрушительным новациям Джунковского. Государственник по взглядам, директор понимал, какой вред генерал-майор наносит основам монархии. Но почему-то ни сам монарх, ни его министр не замечали очевидного и поощряли разрушительную деятельность дилетанта в белой шапке¹.

Закончив разговор, Лыков вернулся к себе в кабинет. Там скучал его помощник Сергей Азвестопуло. Не стесняясь, он листал германский порнографический журнал с голыми девками. Такие журналы регулярно конфисковывались у русских туристов жандармами на таможне. Приятель Сергея пересылал их в Петербург, а коллежский асессор раздаривал скабрзные картинки сильным мира сего. А возможно, и приторговывал ими по свойственной ему коммерческой жилке.

— Слышь, ты, потомок аргонавтов! Скоро тут появится в виде начальства потомок корабелов. И сошлет

¹ Джунковский, как генерал Свиты Его Императорского Величества, ходил в белой барашковой свитской шапке.

тебя за твои проделки в дальние края, где ходят россомахы.

— Потомок корабелов? — заинтересовался помощник. — Это кто же такой? Что Степу убирают, я уже знаю. А кого на его место?

— Брюнна-де-Сент-Ипполита, прокурора Омской судебной палаты.

— Заковыристая фамилия, — одобрил Сергей. — Хотя директор Департамента полиции Азвестопуло звучит еще лучше.

— Да с такой фамилией хоть в министры, — поддержал помощника шеф. — Поднеси свои журнальчики Гришке Распутину и сразу пойдешь в рост.

Они еще немного позубоскалили в том же духе, а потом Лыкову позвонил кассир и попросил зайти за прогонными. Тот обещал с минуты на минуту. Сергей всполошился:

— Вы куда лыжи навострили? А я тут без вас представляться буду омскому... как его?

Алексей Николаевич рассказал, что собирается провентриться в Рязани. Тихий город, от Москвы недалеко, сроду там не приключалось страшных злодейств. Рядовая поездка с целью пересидеть в стороне приход нового директора. А то опять: парад всего состава, потом старших чинов, потом личное представление с вопросом «как видите свою дальнейшую службу?». Пусть страсти улягутся, тогда статский советник вернется.

Азвестопуло долго еще бранился себе под нос. Появление нового директора его по молодости лет пугало. Но шеф сказал, что пора мучать, и пошел за прогонными.

Вернулся, снял трубку «Эриксон» и велел соединить его с генералом Таубе.

Он услышал голос друга, поздоровался и сразу огорчился вопросом:

— Куда уехал твой старый денщик Василий Полудкин после отставки? Не в Рязань?

Барон на секунду задумался и подтвердил:

— Да, в Рязань. А что?

— Я собираюсь туда на ревизию сыскного отделения. Могу, если надо, передать поклон. А может, и что-то сверх поклона.

— Хорошо, что ты телефонировал, — обрадовался Виктор Рейнгольдович. — Василию как раз вчера стукнуло пятьдесят лет. Я могу ему переслать через тебя двадцать пять рублей?

— Если сообщишь адрес.

— Конечно! Спасибо! Мы давеча с Лидией¹ вспоминали его, а тут оказия... Как мне передать радужную бумажку?²

— Я зайду через час к тебе на службу, жди.

Двадцать пять рублей были для генерал-майора Таубе большими деньгами. И дарил он их своему старому денщику не просто так, а в знак признательности. Ефрейтор Полудкин служил разведчику двенадцать лет, всю срочную и сверхсрочную. Побывал с ним и на Кавказе, и в Лифляндии, и в столице. Трезвый, честный, расторопный, Василий сдружился со всем семейством Таубе.

¹ Лидия Павловна Таубе, жена генерала.

² Т. е. купюру в 25 рублей.

Выйдя в запас, он уехал к себе домой и теперь трудился на каком-то заводе, изредка напоминая о себе письмами. Ну и хорошо — будет к кому в этой Рязани заглянуть.

Статский советник влез в добротное зимнее пальто, на голову надел бобровый ток¹. Позвенел в кармане серебром на извозчика. И протянул Азвестопуло руку:

— Ну, я пошел. Смотри тут без меня, ни во что не вляпайся. Журнальчики прибери, не разбрасывай где попало.

Тот хмыкнул:

— Это вы там в Рязани не вляпайтесь.

Льков лениво отмахнулся:

— Да что там может случиться?

Если бы он знал...

¹ Ток — шапка-пирожок.

Глава 2

ПЕРВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

Алексей Николаевич сошел на перрон рязанского вокзала утром 15 января. Чиновника пятого класса из Департамента полиции обязаны были встретить. Поэтому к гостю быстро подошел улыбчивый господин и приподнял фуражку:

— Ваше высокородие?

— Я Лыков, с вашего позволения, — приподнял ток сыщик. — Звать Алексей Николаевич.

— Помощник полицмейстера города Рязани губернский секретарь Винниченко Василий Никифорович. Господин полицмейстер ждет-с, пройдемте к экипажу.

Они уселись в закрытую коляску на зимнем ходу и покатали. Питерец в окно наблюдал новый для него город. Он любил открывать неизведанные города. «Надо будет прогуляться по главным улицам с утра», — думал сыщик. Командировка предстояла мирная, без погонь и арестов — чай, отыщется время.

Рязанец счел нужным кое-что пояснить:

— Мы нарочно едем в управление по главной улице, Московской. Вон мелькнула тюрьма, а тут сидят пушкари.

Само полицейское управление находится на Семинарской улице. Вот мы домчали до Нового базара и свернули на Сенную улицу... А вот и на месте!

Уже через пять минут Лыков входил в кабинет начальника. Его встретил осанистый рослый мужчина:

— Надворный советник Кузнецов Петр Григорьевич, здешний полицмейстер. Очень рад знакомству.

— Статский советник Лыков Алексей Николаевич, весьма польщен. Давно хотел увидеть ваш замечательный город. Это ведь Новая Рязань, верно? А Старая до сих пор горестное пепелище?

— Да, — подтвердил хозяин. — Семь веков прошло, а жизнь туда так и не вернулась... Надо бы в тех помпех раскопки провести, археологические. Их делали, однако поверхностно, а там копать не перекопать. История древняя...

Кузнецов имел в виду Старую Рязань, сожженную и разрушенную войсками Батыя в 1237 году. Она находилась в пятидесяти верстах вниз по Оке от современного города, который перенял у погибшего стольного града державные функции. Назывался он тогда Переяславль-Рязанский и лишь в 1778 году сделался Рязанью.

— Хотите, мы вас туда свозим. Горькое, памятное место. Вот только зима, ничего, кроме снега, вы там не увидите. А так город у нас хороший, спокойный. О прошлом годе два события долгожданных случились. Во-первых, поставили электростанцию. Но ее мощности уже не хватает, и управа покупает у компании «Сиенс-Шуккерт» новую динамо-машину за девять с половиной тысяч рублей. Станет еще светлее! Во-вторых, запустили водопровод.

Долго искали, но нашли хорошую воду в подземных пластах долины реки Павловки. Телефонную линию Москва — Рязань вот-вот закончим. Канализации, правда, до сих пор нет и не предвидится. И мощение плохое, весной и осенью хоть на баркасе плавай по улицам.

Двое полицейских еще немного поговорили о том о сем и перешли к текущим делам.

— Вас ждет губернатор. — Кузнецов бросил взгляд на циферблат напольных часов. — Вопрос, так сказать, ритуальный, но...

Рязанский губернатор был выходцем из знатной семьи. Князь Оболенский, действительный статский советник в звании камергера, молодой — чуть больше сорока, выпускник Пажеского корпуса и бывший гвардеец. Несмотря на аристократическое происхождение — или благодаря ему? — он обладал высокой деловой репутацией. И шел на самый верх. Ходили слухи, что государь рассматривает князя в качестве будущего петербургского градоначальника!

Лыков встречался с князем прошлой осенью в кабинете Белецкого. Тот пришел хлопотать за губернского секретаря Баулина, которого хотел назначить главным сыщиком. Первый начальник оказался малоспособным к руководству сыскным отделением да еще и любил выпить. И его сиятельство не поленился явиться в столицу продвигать чиновника двенадцатого класса. Алексею Николаевичу это тогда понравилось.

Губернатор проживал в скромном одноэтажном особняке на Мальшинской улице. Помимо семьи тут же помещалась его канцелярия. Быстро поприветствовав вошед-

ших, начальник губернии пригласил их к завтраку. Видимо, для полицмейстера завтракать у губернатора было привычным делом: Кузнецов уверенно двинулся знакомой дорогой в столовую. Командированный, с утра ничего не евший, также охотно согласился откусать.

В большой комнате по одну сторону стола сидели красивая дама восточной наружности и трое детей в возрасте от девяти до четырнадцати лет. Оболенский представил их гостю:

— Супруга моя Саломея Николаевна и милые козявки: Саломея-младшая, Николай и Александр. Нет только Антонины, она в гимназии. Жену я взял из рода светлейших князей Дадиани!

— Владетелей Мингрелии? — вспомнил сыщик.

Губернаторша улыбнулась, протягивая ему руку для поцелуя:

— Бывали в наших краях?

— Да. Увы, ваше сиятельство, — с винтовкой за плечами. Воевал поблизости, в Аджарии, с турками.

По другую сторону стола расположились подчиненные губернатора: правитель канцелярии Правдолюбов и чиновник для особых поручений Шеншин. Завязался разговор, разумеется, насчет смены премьер-министра и ожидаемых изменений в политике. Столичный гость интересовал рязанцев как поставщик свежих новостей. Лыкову пришлось рассказать все, о чем судачили питерские бюрократы. Детям и жене это было неинтересно, и они, поев, быстро ушли. А статский советник задержался в гостеприимном доме на Мальшинской на целый час. После завтрака мужчины перешли в кабинет, вынули

портсигары и задымили. Вопросы рязанцев крутились вокруг Драчевского: правда ли, что ему готовят замену.

Алексей Николаевич подтвердил, что такие слухи ходят и сменщиком градоначальника называют хозяина кабинета. Оболенский крутить не стал. Он признался, что разговоры с ним «там» уже вели, и подробно расспросил гостя о столичных порядках. Лыков был человек умный, опытный и информированный, и беседа затянулась. Оболенский узнал много интересного о службе, которая, возможно, ему скоро предстояла. Держался он при этом просто и доброжелательно.

Уже прощаясь, губернатор заговорил о цели приезда сыщика:

— Вы ведь будете проверять Баулина?

— Да, Александр Николаевич. Помнится, вы за него хлопотали. Не раскаиваетесь сейчас?

Камергер усмехнулся:

— Поддеть хотите, Алексей Николаевич? А вот не раскаиваюсь. По мне, человек на своем месте. С обязанностями справляется. Не пьет в отличие от предыдущего, Сухорукова. Но у вас свой взгляд, какие-то полицейские вещи вам виднее, чем мне. Желаю, говоря по правде, чтобы ревизия ваша закончилась без особых с нашей стороны огрехов. И ничего страшного вы в рязанском сыском отделении не обнаружили. Вот так! Если потребуюсь — обращайтесь без помех в любое время. Я еще в Петербург не уехал, и неизвестно, уеду ли.

— Благодарю, — поклонился статский советник. — Ревизия вещь необходимая и полезная. В сыских полициях по стране много неурядиц, газеты постоянно нас